

УДК 821.(4).09

*Л.А. Мельникова***ПРОБЛЕМА ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ГЕРОЯ В РОМАНЕ Г. БЁЛЛЯ
«БИЛЬЯРД В ПОЛОВИНЕ ДЕСЯТОГО» В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ВЛИЯНИЯ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

В статье подвергаются осмыслению особенности рецепции немецким писателем Г. Бёллем художественного опыта Ф.М. Достоевского на уровне образной системы романа «Бильярд в половине десятого». Развернутый сопоставительный анализ образов Макара Долгорукого и Шреллы позволяет выявить между данными персонажами ряд художественных переключек, проявляющихся как в плане раскрытия характера (наличие у обоих героев таких качеств, как смирение, пронизательность, моральная твердость, религиозность), так и в аспекте художественных функций (выполняемая ими роль нравственного ориентира для центральных персонажей). Это подтверждает факт наличия признаков литературного влияния Ф.М. Достоевского на творческую манеру Г. Бёлля в данном произведении. В то же время проблема положительного героя в романе «Бильярд в половине десятого» разрабатывается на материале немецкой послевоенной действительности в тесной связи с историко-политическим контекстом. Немецкий писатель создает оригинальный образ самобытного персонажа, проникнутый особым символизмом.

Ключевые слова: Г. Бёлль, Ф.М. Достоевский, «агнец», положительный герой, Макар Иванович Долгорукий, Шрелла.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-6-1018-1023

«Бильярд в половине десятого» (1959) относится к числу наиболее исследованных романов немецкого писателя Генриха Бёлля [1; 8; 11; 15-17]. Одной из главных в этом произведении является проблема непреодоленного прошлого, с которой тесным образом оказывается связанной такая особенность поэтики данного романа, как наличие в нем «устойчивых лейтмотивов», разделяющих людей на «принявших причастие буйвола» и «принявших причастие агнца» [13. С. 18]. Как справедливо отмечает Э.А. Ильина, «называя фашистов «буйволами», а их жертв – «агнцами», Бёлль интерпретирует жизненный выбор своих героев религиозно-символически, уподобляя его католическому обряду причащения. Подобно тому как обряд евхаристии означает приобщение к Богу, так и принятие героями того или иного «причастия», по Бёллю, имеет мистический смысл: раз совершенный, этот акт оказывает необратимое воздействие на личность персонажа [6. С. 6]. Ярким подтверждением тому в романе служит образ Отто Фемеля, сделавшего роковой выбор еще в юности и погибшего впоследствии в годы войны под Киевом. Его мать Иоганна Фемель, констатируя те перемены, которые произошли с ее сыном после того, как он вошел в число «буйволов», указывает на то, что от него «осталась только видимость, одна оболочка, которая быстро наполнилась другим содержанием <...> у него высосали всю кровь и накачали ему новую; взгляд Отто стал взглядом убийцы <...>» [2. С. 302], в его походке слышался маршевый ритм, его башмаки выстукивали на каменных плитках слово «враг, враг» [2. С. 296].

Понятие «агнца» глубоко и многогранно. Сущность его раскрывают следующие идеи: 1) идея кротости и мертвенности «агнца», напоминающая об Иисусе Христе, Агнце Божьем, принесшим себя в жертву ради искупления грехов человечества; 2) идея преодоления искушения, соблазна, звучащая в библейском стихе «Даров не принимай»; 3) идея страданий и испытаний «агнца», которая подчеркивает его нравственную стойкость» [6. С. 7].

Одним из ярких представителей этой категории является друг главного персонажа Роберта Фемеля – Шрелла, являющий собой тип положительного героя. В его образе, как уже отмечалось И. Мишиным, прослеживается ряд аллюзий, отсылающих к герою романа Ф.М. Достоевского «Подрасток» – Макару Ивановичу Долгорукому, с которым в этом произведении русского классика оказывается связана проблема «лучших людей». К числу сходств, выявленных между этими героями И. Мишиным, относятся статус странников, отсутствие эгоизма, умение прощать, а также забота о благе своего народа [10. С. 81].

Обращение к Достоевскому в данном романе неслучайно. Личность и творчество этого писателя выступали для Г. Бёлля предметом постоянного интереса. Немецкий автор подвергал художественному переосмыслению многие образы героев русского классика: князя Мышкина, Сони Мармела-

довой и других. Он был знаком с Великим Пятикнижием, а в рамках подготовки сценария к фильму «Писатель и его город: Достоевский и Петербург» (1969) перечитал вместе с женой и сыновьями все переведенные на тот момент на немецкий язык произведения Ф.М. Достоевского.

Отталкиваясь от вышеназванных наблюдений советского исследователя, представим в данной статье опыт развернутого сопоставительного анализа образов Макара Ивановича Долгорукого и Шреллы, попытки которого в отечественном литературоведении до настоящего времени не предпринимались. Это составит актуальность и новизну нашего исследования.

И Макар Иванович, и Шрелла сыграли существенную роль в судьбе центральных героев романов «Подросток» и «Бильярд в половине десятого» соответственно, с которыми они находятся (либо фактически, либо юридически) в родственных связях: Макар Иванович – юридический отец Аркадия Долгорукого, Шрелла – брат жены Роберта Фемеля Эдит.

Оба героя – выходцы из простого народа: Макар Иванович – «бывший дворовый человек, родившийся слугою и от слуги» [5. С. 197], отец Шреллы – бывший кельнер отеля «Принц Генрих».

В обоих произведениях с самого начала подчеркивается их исключительность в ряду других персонажей. В романе «Бильярд в половине десятого» это акцентируется содержанием красной карточки Роберта Фемеля: «Я всегда рад видеть мать, отца, дочь, сына и господина Шреллу, но больше я никого не принимаю» [2. С. 207]. В «Подростке» личность Макара Ивановича Долгорукого, помимо прочего, обращает на себя внимание наличием контраста между его положением простолюдина и знатной фамилией. Последняя призвана подчеркнуть, что «подлинную знать, знать духа следует искать не в сословии русского дворянства, но среди живых сил народных» [3. С. 175].

Личность Шреллы в романе «Бильярд в половине десятого» окутана ореолом загадочности и таинственности. Образ этого героя до его непосредственного появления раскрывается по мере развития действия постепенно, посредством соединения различных персональных точек зрения, представляющих собой фрагменты отрывочных воспоминаний о нем членов семьи Фемель (Роберта, Генриха и Иоганны), а также кельнера Йохана.

Одним из ведущих в образе Шреллы является мотив жертвенности. В воспоминаниях Роберта описания этого героя содержат упоминания о многочисленных издевательствах, которые тому приходилось терпеть от представителей так называемой вспомогательной полиции, в первую очередь, от его одноклассника Неттлингера и учителя Бена Уэкса, которые «подставляли ему подножку, когда на перемене он спускался по лестнице, и Шрелла ударился о стальные края ступенек, а металлическая дужка очков впивалась ему мочку уха <...> напали на Шреллу, когда тот шел домой, затаскивали его в подъезды, избивали около мусорных ведер и поломанных детских колясок, спихивали вниз с темных лестниц, ведущих в подвалы» [2. С.234]. Его тело было настолько истерзано, что он даже не принимал душа после игры в лапту. Портрет Шреллы-школьника также содержит выразительные детали-штрихи, свидетельствующие о постоянных истязаниях: «<...> он сидел на скамейке, и фонари у него под глазами отливали желтым и синим, над губой, там, где он стер кровавую полоску еще не совсем просохло; кожа на предплечье посинела от ударов мяча» [2. С. 235].

Здесь же Роберт фиксирует одно из ключевых качеств Шреллы – отсутствие ненависти: «Было мучительно сидеть вдвоем со Шреллой и читать благодарность в его глазах, слишком бесстрастных, чтобы ненавидеть» [2. С. 235].

Шреллу отличают моральная непоколебимость и твердость нравственных принципов: несмотря на те побои, которые ему приходится терпеть, он отказывается принимать «причастие буйвола». Опасаясь политических преследований, Шрелла уезжает за границу и некоторое время живет вместе с также скрывающимся на тот момент Робертом Фемелем в Голландии, обучаясь при этом немецкому языку. В эмиграции он в общей сложности проводит 22 года, превращаясь тем самым в странника.

Макар Иванович также делает странничество образом своей жизни, живет в разных городах и монастырях России, приезжая на побывку в родные места раз в несколько лет. Примечательно, что оба героя свою участь странников воспринимают со смирением и кротостью, они не порывают окончательно со своим прошлым, сохраняя связь с ним посредством почтовых открыток и писем: Долгорукий присылает по два письма в год семейству Версиловых, Шрелла периодически посылает Фемелю почтовые открытки.

Макару Ивановичу также оказывается присуща твердость характера. Он «в отличие от Версилова и от Аркадия, лишен всякой двойственности, хаоса и т. п.» [9. С. 146]. Давая оценку Макару Ивановичу, окружающие отмечают, что он был «характера упрямого, подчас даже рискованного; го-

ворил с амбицией, судил бесповоротно и, в заключение, «жил почтительно» – по собственному удивительному его выражению» [4. С. 222].

«Внутренний стержень» Шреллы в сочетании со смирением производит сильное впечатление на окружающих. Генрих Фемель, например, признается, что и спустя годы продолжает испытывать страх перед ним: «Страшнее всего то, что в нем нет ничего, вызывающего жалость, глядя, как он шел по двору, я сразу понял, что это сильный человек и что его поступки определяются отнюдь не теми причинами, которые так важны для всех остальных людей; <...> в нем я не нашел ничего, не единого пунктика, который мог бы вызвать смех; и мне стало страшно, казалось, по двору прошел грозный ангел, посланец бога, который хочет взять тебя в залог; он так и сделал – взял тебя заложником; в Шрелле не было ничего, вызывающего жалость; даже после того, как я узнал, что его избивали и хотели уничтожить, он не пробудил во мне жалости» [2. С. 331].

Отсутствие жалости со стороны Генриха Фемеля в данном случае можно трактовать как косвенное указание на особую стойкость и силу духа данного персонажа.

Аналогичную характеристику дает Шрелле и мать Роберта Иоганна, называющая его «темноволосым ангелом», которому запретили смеяться и отмечающая, что тот «принадлежал к числу тех людей, которых никогда не зовут по имени» [2. С. 297]. В этом замечании содержится указание на наличие в образе Шреллы типичных черт подлинного «агнца».

Примечательно, что оба анализируемых образа строятся по принципу контраста по отношению к некоторым другим персонажам романов: Шрелла противопоставляется, в первую очередь, Отто и Неттлингеру как «агнец» «буйволам», Макар Иванович – Версилону как истинно русский внутренний эмигрант эмигранту внешнему, европейскому.

Несмотря на значительный период времени, проведенный за границей, по возвращении Шрелла сохраняет интерес к внутреннему положению дел в своей стране, прислушивается к разговорам окружающих, чтобы понять их истинные тревоги. Его оценочные суждения, касающиеся других людей, отличаются дальновидность и проницательность. Подтверждением тому служит его точка зрения на одного из лидеров оппозиции Креца: «<...> если на этого человека возлагают все надежды, то хотелось бы мне знать, кого они считают совершенно безнадежным <...> Неужели вы все ослепли? Разумеется, он человек умный и образованный<...>, но <...> от снобизма он совсем перестал соображать, он не знает даже, какого он пола. Такие люди, как Крец, играют в закат Европы, но они плохие актеры» [2. С. 414].

В беседе с Робертом Шрелла излагает свою жизненную философию, побудившую его выбрать странничество: «я боюсь домов, в которых устраиваешься надолго и убеждаешься в той тривиальной истине, что жизнь идет своим чередом и что время примиряет со всем» [2. С. 409]. Из этого можно сделать вывод, что для Шреллы важно сохранить память о прошлом, о своем погибшем в годы репрессий отце и товарищах (например, Ферди), имена которых не значатся нигде, в том числе в списках никаких политических организаций. Такая позиция выражает одну из ключевых установок автора в данном романе, заключающуюся в том, что «забвение – самый страшный, самый опасный соблазн в нынешних условиях ФРГ, стоит народу поддаться ему, и это вызовет гибельные последствия» [14. С. 288].

Шрелла также признается, что не может жить в этом городе, потому что он для него «недостаточно чужой», поэтому он отказывается от предложения Роберта пожить у него и остается в гостинице, поскольку это не дает привыкнуть ему к оседлому образу жизни: «<...> сидя в номере, я знаю, что скоро отправлюсь в путь и опять начну давать уроки немецкого языка» [2. С. 410].

Шрелла во многом выступает выразителем авторских взглядов на немецкую действительность конца 1950-х гг. Он рассуждает о смене поколений, касаясь вопроса о мировоззрении и политических взглядах современной молодежи (при этом он подчеркивает свой политический нейтралитет): «<...> ты думаешь, наверное, я не хочу здесь жить потому, что не вижу никакой реальной политической перспективы для этого государства, а мне, кажется, скорее, что я не могу жить здесь, так как всегда был вне политики и сейчас тоже вне ее [2. С. 419] <...> нет, не эти люди пугают меня <...> я их вижу <...>, вижу Неттлингера и Вакеру, но я боюсь не того, что такие люди появились у нас снова, а того, что в этой стране не появилось иных людей» [2. С. 410].

Вернувшись после столь продолжительного отсутствия, Шрелла выносит приговор немецкому обществу: «Не знаю, может, я ошибаюсь, но люди, которых я вижу в этом городе, кажутся мне ничуть не лучше тех, от которых я когда-то бежал» [2. С. 411].

Художественное своеобразие образа Макара, по мнению Мелетинского, заключается в том, что в нем подчеркивается его чрезвычайное чистосердие и отсутствие малейшего самолюбия, «почти безгрешное сердце» [9. С. 145].

Его жизненная философия основана на безусловном и восхищенномприятии мира и человека в нем, наряду с травкой, птичкой, деревом, былинкой – во всем «тайна Божия». Этоприятие мира вселяет в душу Макара покой, самоудовлетворение, оно – в полемической реплике, которую можно адресовать Версилу и всем, кому эта «живая жизнь» недоступна [7. С. 454]: «...читают и толкуют весь век, понасытившись сладости книжной, а сами все в недоумении пребывают и ничего разрешить не могут» [5. С. 184]. Органичное соединение в личности странника добра, простоты и открытости именуется Подростком – «благообразием» [7. С. 454].

И Макар Иванович, и Шрелла помогают сделать правильный нравственный выбор центральным персонажам анализируемых романов: «встреча с русской набожностью в лице Макара Ивановича призвана освободить Аркадия от принципа материального эгоизма, во власти которого он находится» [3. С. 171], дружба со Шреллой удерживает Роберта Фемеля от принятия «причастия буйвола», правда, и «агнцем» он тоже не становится, избирая для себя роль пастыря.

Они оказывают сильное влияние на Роберта и Подростка в плане формирования их мироощущения и восприятия действительности.

Встреча с Макаром Ивановичем преображает Аркадия: «ощущение заброшенности исчезает, сменяясь радостью встречи с человеком, который полностью срастил свою жизнь «в миру с высоким духовным настроем» [7. С. 454]. Рассуждая о роли Макара в формировании внутреннего мира Подростка, К. Степанян обращает внимание на тот факт, что «Макар понимает (и объясняет Подростку), в чем главная ошибка его пресловутой *идеи* и на чем должно основываться истинное служение: <...> делать добро людям надо не из чувства отмщения им, и не для возвышения себя, а из любви к ним и к Богу, любви, которой не надо стыдиться. И хотя после общения с Макаром Подросток еще претерпевает ряд «падений» нравственных, мысль о том, что **подлинный порядок** (в противоположность окружающему «беспорядку») именно и заключается в ответе добром на зло, устанавливается в нем именно “после Макара”» [12. С. 290–291].

Шрелла также, спустя годы, вернувшись после долгого отсутствия, продолжает оказывать влияние на Роберта даже в мелочах. Например, во время игры в бильярд в присутствии Шреллы Роберт делает более точные удары. В связи с этим повествователь задает риторический вопрос: «объяснялось ли это присутствием Шреллы, который принес собой настоящее, действительность и разрушил колдовство?» [2. С. 408].

Образы Шреллы и Макара Ивановича также объединяет набожность, религиозность. Бог относится к числу самых главных категорий в мировоззрении Макара Ивановича. Это подтверждают те наставления, которые он дает Аркадию: «<...> что благое делать замыслишь, то делай для Бога, а не зависти ради» [5. С. 220].

«Семья Шреллы не просто набожные люди, они одержимы религиозной экзальтацией, предстают перед нами в свете традиционных христианских добродетелей. Но эти “добродетели”, украшавшие легендарных пустынников и страстотерпцев раннего христианства, делают «агнцев» бессильными перед социальным злом нашего времени. Они погибают, по существу, без борьбы, а однажды бежав от фашистских гонений молодой Шрелла не находит сил для того, чтобы на родной почве утверждать моральные принципы против неонацизма, и уходит во второе, на этот раз добровольное изгнание» [14. С. 294].

Из этого следует, что, создавая образ Шреллы, немецкий писатель старался избежать идеализации этого персонажа: с одной стороны, его восхищают нравственные качества героя, с другой – он констатирует пассивность последнего, осознание тщетности его попыток оказать влияние на немецкую действительность конца 1950-х гг.

Уход из жизни странника-христианина Макара Долгорукого, духовного отца Аркадия, по мнению Геригка, показывает, что «его миру нет места в современном Петербурге. Это мир благочестивой жизни, свободной от материальных интересов, мир деятельного христианства, отрешения от любви к себе» [3. С. 176].

Решение Шреллы вновь отправиться в странствие также свидетельствует о неприятии немецким обществом тех лет людей подобного типа.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что акцентирование национальной самобытности в образе Шреллы в романе Г. Бёлля «Бильярд в половине десятого» органично сочетается с наличием аллюзийных отсылок к образу Макару Ивановичу Долгорукого, герою романа Ф.М. Достоевского «Подросток». Оба героя являются лучшими представителями немецкого и русского национальных характеров. Между ними наблюдается ряд литературных переключек, проявляющихся в

раскрытии характеров и в реализации художественных функций. К числу выявленных нами сходств относятся: 1) незнатное происхождение; 2) смирение, подчинение обстоятельствам; 3) религиозность, набожность; 4) жертвенность; 5) роль нравственного ориентира для центральных персонажей.

В то же время необходимо отметить, что образ Шреллы создан на материале немецкой действительности, одной из особенностей его репрезентации является вписанность этого героя в историко-политический контекст. В то время как роль Макара Ивановича, в первую очередь, связана с актуализацией значимости семейных ценностей, поскольку Аркадий Долгорукий приобретает в нем своего духовного отца. Выявленные в процессе анализа соответствия позволяют сделать вывод о том, что герой романа русского классика выступал в качестве одного из художественных прототипов персонажа, изображенного немецким писателем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авраменко Ю.И. Особенности функционирования и эволюция концепта «война» в романах Г. Бёлля: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2011. 225 с.
2. Белль Г. Бильярд в половине десятого // *Избранное: Сборник*. М.: Радуга, 1988. С. 205–420.
3. Геригк Х.-Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых». СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Нестор-История. 2016. 320 с.
4. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в двенадцати томах. Том IX. М.: Правда, 1982. 432 с.
5. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в двенадцати томах. Том X. М.: Правда, 1982. 384 с.
6. Ильина Э.А. Романы Генриха Бёлля: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1994. 20 с.
7. Краснощекова Е.А. Роман воспитания – *Bildungsroman* – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2008. 480 с.
8. Лукичева И.И. Экзистенциальные проблемы в творчестве Г. Бёлля: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2000. 177 с.
9. Мелетинский Е.М. Заметки о творчестве Достоевского. М.: РГГУ, 2001. 190 с.
10. Мишин И. Достоевский и зарубежные писатели. Основные проблемы творчества, традиции и новаторство: учеб. пособие по спецкурсу. Ростов-на-Дону, 1974. 136 с.
11. Мишина Л.А. Немецкий писатель как философ и художник: учеб. пособие / Л.А.Мишина, Т.В.Иванчикова, Э.А.Ильина; Чувашский государственный университет имени И.Н.Ульянова. Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2002. 166 с.
12. Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. СПб.: Крига, 2010. 400 с.
13. Топер П. Генрих Бёлль – романист и рассказчик // *Избранное: Сборник*. М.: Радуга, 1988. С. 5–32.
14. Фрадкин И. Семья Фемель осознает свой долг // Белль Г. Бильярд в половине десятого. М.: Мир, 1965. С. 287–301.
15. Шиндель С.В. Александр Солженицын и Генрих Бёлль: диалог культур: дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2010. 157 с.
16. Остудина С.В. Проблема рассказчика в романах Г. Бёлля 50-70-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 22 с.
17. Vogt J. Heinrich Böll. München, 1987. 191 s.

Поступила в редакцию 23.05.2019

Мельникова Любовь Александровна, кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка и литературы
Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
412300, Россия, Саратовская область, г. Балашов, ул. Карла Маркса, д. 29
E-mail: lmelnikova5@mail.ru

L.A. Melnikova

**THE PROBLEM OF A POSITIVE HERO IN H. BÖLL'S NOVEL "BILLIARDS AT HALF PAST NINE"
IN THE CONTEXT OF THE LITERARY INFLUENCE OF F.M. DOSTOEVSKY**

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-6-1018-1023

The paper examines the peculiarities of the reception of the artistic experience of F.M. Dostoevsky by the German writer H. Böll at the level of the figurative system of the novel "Billiards at half-past nine". A comprehensive comparative

analysis of the images of Makar Dolgoruky and Shrella allows us to reveal a number of artistic similarities between these characters, manifested both in terms of character disclosure (the presence in both characters such qualities as humility, insight, moral hardness, religiosity) as well as in the aspect of artistic functions (the role they play as a moral guide for central characters). This confirms the fact that in this work there are signs of the literary influence of F.M. Dostoevsky on the creative style of H. Böll.

At the same time, the problem of a positive hero in the novel “Billiards at half-past nine” is developed on the material of the German post-war reality in close connection with the historical and political context. The German writer creates an original image of a distinctive character, imbued with special symbolism.

Keywords: H. Böll, F.M. Dostoevsky, “lamb”, positive hero, Makar Ivanovich Dolgoruky, Shrella.

REFERENCES

1. *Avramenko Yu.I.* Osobennosti funkcionirovaniya i evolyuciya koncepta «vojna» v romanah G. Byollya [The peculiarities of the functioning and evolution of the concept “war” in the novels by H. Böll.] dis ... kand. filol. nauk. Magnitogorsk, 2011. 225 p. (In Russ.)
2. *Böll H.* Bil'yard v polovine desyatogo [Billiards at half-past nine] // *Izbrannoe: Sbornik.* M.: Raduga, 1988, pp. 205–420. (In Russ.)
3. *Gerigk H.-J.* Literaturnoe masterstvo Dostoevskogo v razvitii. Ot «Zapisok iz Mertvogo doma» do «Brat'ev Karamazovyh» [Dostoevsky's literary mastery in development. From “Notes from the House of the Dead” to the “Brothers Karamazov”] SPb.: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma; Nestor-Istoriya. 2016. 320 p. (In Russ.)
4. *Dostoevskij F.M.* Sobranie sochinenij v dvenadcati tomah [Collected works in twelve volumes. Volume IX]. Tom IX. M.: Pravda, 1982. 432 p.
5. *Dostoevskij F.M.* Sobranie sochinenij v dvenadcati tomah [Collected works in twelve volumes. Volume X]. Tom X. M.: Pravda, 1982. 384 p. (In Russ.)
6. *Il'ina E.A.* Romany Genriha Byollya [The novels of Heinrich Böll] Avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk. N. Novgorod, 1994. 20 p. (In Russ.)
7. *Krasnoshchekova E.A.* Roman vospitaniya – Bildungsroman – na russkoj pochve: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoj. Dostoevskij [Education novel – Bildungsroman – on Russian soil: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoy. Dostoevsky] SPb.: Izdatel'stvo «Pushkinskogo fonda», 2008. 480 p. (In Russ.)
8. *Lukicheva I.I.* Ekzistencial'nye problemy v tvorchestve G. Byollya [Existential problems in the work of H. Böll] Dis. ... kand. filol. nauk. N. Novgorod, 2000. 177 p. (In Russ.)
9. *Meletinskij E.M.* Zametki o tvorchestve Dostoevskogo [Notes about the works of Dostoevsky]. M.: RGGU, 2001. 190 p. (In Russ.)
10. *Mishin I.* Dostoevskij i zarubezhnye pisateli. Osnovnye problemy tvorчества, tradicii i novatorstvo: ucheb posobie po speckursu [Dostoevsky and foreign writers. The main problems of creativity, tradition and innovation: a study guide for the special course] Rostov-na-Donu, 1974. 136 p. (In Russ.)
11. *Mishina L.A.* Nemeckij pisatel' kak filosof i hudozhnik: ucheb. posobie [The German writer as a philosopher and an artist: a study guide] Chuvashskij gosudarstvennyj universitet imeni I.N.Ul'yanova. Cheboksary: Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta, 2002. 166 p. (In Russ.)
12. *Stepanyan K.A.* Yavlenie i dialog v romanah F.M. Dostoevskogo [The phenomenon and dialogue in the novels of F.M. Dostoevsky] SPb.: Kruga, 2010. 400 p. (In Russ.)
13. *Toper P.* Genrih Byoll' – romanist i rasskazchik [Heinrich Böll – a novelist and a storyteller] *Izbrannoe: Sbornik.* M.: Raduga, 1988. pp. 5–32. (In Russ.)
14. *Fradkin I.* Sem'ya Femel' osoznaet svoj dolg [The Femel family is aware of their duty] // *Byoll' G. Bil'yard v polovine desyatogo*[Billiards at half-past nine] M.: Mir, 1965. pp. 287–301. (In Russ.)
15. *Shindel' S.V.* Aleksandr Solzhenicyn i Genrih Byoll': dialog kul'tur [Alexander Solzhenitsyn and Heinrich Böll: a dialogue of cultures] Dis. ... kand. kul'turologii. Saransk, 2010. 157 p. (In Russ.)
16. *Ostudina S.V.* Problema rasskazchika v romanah G. Byollya 50-70-h godov [The problem of the narrator in the novels of H. Böll of the 1950s–1970s] Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 1992. 22 p. (In Russ.)
17. *Vogt J.* Heinrich Böll. München, 1987. 191 p. (In German)

Received 23.05.2019

Melnikova L.A., Candidate of Philology, senior lecturer at Department of Russian language and literature
Balashov Institute of the Saratov State University
Karla Marksa st., 29, Balashov, Russia, 412300
E-mail: lmelnikova5@mail.ru